

СИСТЕМА НАУКИ:

ДИСФУНКЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ

и ее преодоление¹

«Рецензионно — хиршевски — плагиатный» психоз в России

Согласно академику И.П. Павлову под психозом понимается выраженное нарушение психической деятельности вследствие расстройства восприятия окружающего мира, дезорганизации собственного поведения, с возникновением неадекватных реальностям реакций. Интересно отметить, что самым сложным видом психической деятельности человека является творчество, в том числе занятие научной деятельностью. Если институциональные или организационные изменения дезорганизуют деятельность (поведение) носителей этой деятельности, то они порождают неадекватные реакции, расстройства восприятия, выражающиеся в конкретном виде психоза. Подобные расстройства и дезорганизация могут возникнуть внутри социальной системы в ходе ее функционирования, но могут быть вызваны экзогенными влияниями, к коим следует отнести планируемую правительством реформу Российской академии наук. Иными словами, дисфункция системы может быть эндогенной и экзогенной, причем экзогенная дисфункция может усилить эндогенную дисфункцию и привести систему в худшее, согласно оценке результативности функционирования, состояние.

Когда действие становится навязчивым состоянием, самоцелью поведения агентов в науке, требует дополнительного расхода психической энергии, то возникает расстройство, которое опасно и для агентов, и для всей системы целиком. Более того, опасность этого состояния распространяется не только на рассматриваемую подсистему, но и на всю экономику. В чем же проблема?

Рецензирование является обычным видом деятельности научной работы. Индекс Хирша является вспомогательной обобщенной оценкой некой цитатной активности, а плагиат является негативным явлением, которое не может поощряться в науке, а должно наказываться. В только что приведенной постановке никаких проблем и расстройств не существует, если бы именно так воспринимались эти термины и явления и регулировались на законных основаниях — один раз и навсегда. Плагиат является

незаконным умышленным присвоением авторства в области науки, искусства и т. д., может быть нарушением авторского права, либо патентного законодательства, в отдельных случаях он происходит вне действия законов об интеллектуальной собственности. Важным обстоятельством является присвоение авторства, когда один ученый говорит, что это его новый результат в диссертации, а этот же результат принадлежит иному лицу, которое хронологически раньше его достигло.

Однако, например, в диссертации приводится по памяти какой-то результат, известный из данной области знания, вошедший во многие учебники (как вариант), без библиографической ссылки, либо допущена техническая ошибка, а в списке литературы имеется источник, но исследователь не претендует на авторство, на базе же известных исследований получает интересные результаты. И возникает вопрос, необходимо ли «качать» этого автора за подобные действия? Четко не понимая, что такое плагиат, не разбираясь в каждом конкретном случае, могут быть запущены «карающие» механизмы, и в России сейчас развернута именно такая «работа».

Автор, указывающий все библиографические ссылки, ничего не привнося в область знания, может «договориться» с диссертационным советом, он не будет подвергнут «психозу» выявления плагиата, но его вклад может оказаться «нулевым». Именно такая атмосфера создается сейчас в России, способствующая психозу. Она наносит прямой вред науке, так как вводит «презумпцию виновности», утверждая априорно, что если ссылки нет, значит — вор, а воруют все и всех надо проверять, не разбираясь, что сделано автором, что привнесено им самим, а что он взял известное, ставшее общедоступным. Например, теорема Пифагора, можно довести до абсурда и ссылаться на него в каждой математической выкладке, где используется эта теорема, либо на А. Эйнштейна, когда приводим известное уравнение фотоэффекта и т. д. При этом никто не присваивает авторство.

Психоз состоит еще и в том, что с использованием внутренних инструкций чиновников начинаются гонения не только на соискателей степеней, но и на их руководителей, оппонентов, а ведущие организации

¹ Окончание, начало в № 7 за 2015 г.

должны отвечать, если потом обнаружится плагиат. Но где же средства технического контроля? При обычном прочтывании диссертации плагиат обнаруживается редко (для этого точно нужно помнить текст, формулу, график и т. д.). Более того, психоз состоит в том, что придумано и предлагается поражение в трудовом праве руководителей, оппонентов и представителей ведущей организации, и членов от экспертной группы диссертационного совета. Если они не выявили плагиат (заведомо не обладая необходимыми средствами для выявления), то лишаются права руководства аспирантами и др. Это прямое нарушение трудового и конституционного права граждан, если такие меры будут приняты (однако научное сообщество России боится и молчит).

В науке возможны ошибки, и диссертация может быть не защищена на любом участке ее прохождения — на то и защита, на то и Высшая аттестационная комиссия, называемая Высшей не случайно. Почему же тогда запрещать руководство, то есть совершенствование в творчестве? Зачем наказывать диссертационный совет, который также лишен технического средств выявления плагиата? Необходимо разбираться с каждым случаем плагиата, поскольку человек мог осознано приводить чьи-то результаты, либо по памяти их возобновить, либо его результаты могли одновременно совпасть с результатом иного исследователя (такие случаи многократно известны в истории науки). Соискатель может не заявлять, что это его результат, а библиографической ссылкой может не быть по технической причине. Конечно, важен и объем таких заимствований (одно дело 50—60—70% текста, другое — 10—15—20%), нужно в каждом случае разбираться. Но проблема в том, что разбираться никто не желает. Проще в стране устроить «свару», ковыряться в ней, сводя счеты с разными людьми.

Допустим, это психоз и боязнь заставили вас все облечь в ссылки. Продвинется ли наука? Профессоры, узнав, что заработная плата зависит от индекса Хирша, стали договариваться о ссылках на работы друг друга. Об этом открыто говорят, рецензенты в журналах стали намекать о ссылках на их работы и членов редколлегии журналов ВАК. Представьте, что кто-то получил крайне негативный результат и его все критикуют, ссылаясь на данную работу. Индекс Хирша возрастет. Как можно ориентироваться на такой параметр, привязывая к нему надбавку зарплаты?

Однако поражает иное, в условиях санкционной войны против России, наша бюрократия ничему не учится. Переход на некие европейские стандарты, следование «болонским процессам», подготовка бакалавров и магистров. Но для чего и ради чего? Эти институциональные модификации и пертурбации

не повысят качества выпускаемых специалистов. В редакциях журналов стали требовать 20 источников литературы, иначе статью, написанную с 4 источниками или вообще без источников, не опубликуют. Когда автор заявляет, что не использовал 20 источников, ответ прост: «Приведите библиографические ссылки, какие хотите или мы сделаем это сами». Такая прямая профанация разрушает науку. Ничего созидательного в такой политике и такой борьбе за идеалы науки нет. Борьба за ссылки и с плагиатом погубит объект, за чистоту которого она развернута. Цель этой борьбы банальна — сократить число диссертационных советов и ученых, а не повысить их качество или нравственный облик.

В РАН приходят циркуляры премирования по итогам полугодия или года, где первая позиция, не личная монография, а публикация в журнале из базы данных Scopus или Web of Science. Однако за день до этого отчета мне на электронную почту пришло интересное сообщение: публикация на английском языке² в западных журналах (список прилагался) указанных баз данных от 300 до 1500 долл. Как это издевательство понимать? Как уничижение российских исследователей, спланированное их унижение на основе «презумпции виновности», и это в условиях санкций. Более того, на начало 2015 г. в базу данных Scopus были включены всего три российских экономических журнала, причем два из них ежеквартальные. А факультеты в регионах получили гласно-негласную разрядку — три статьи в этой базе данных от факультета.

Элементарный расчет показывает, что технически невозможно опубликоваться всему кадровому составу России и даже существенной его части, работающей на экономических факультетах, в журналах из базы данных Scopus или Web of Science. Тогда вопрос, зачем это делается, становится очевидным. Мы справедливо ругаем украинское руководство, но почему в отношении российской науки ведем себя подобно «бандеровцам»? Почему российские научные журналы в области экономики имеют низший приоритет в оценке работы относительно западных? Мы что, не хозяева в своей стране? Как понимать такую циничную и заведомо проигрышную и неконкурентоспособную постановку? Сначала нужно создать условия, а потом требовать от факультетов публикации в журналах, входящих в указанные западные базы данных, да еще привязывать премирование работников к этим публикациям, явно и заведомо дискриминируя отечественные публикации. Отечественные журналы должны войти в эти базы данных. Однако в условиях санкций я бы не считал это необходимым условием. Требования к научному журналу должны быть предъявлены законодательно, а не некой комиссией, пусть и высшей аттестацион-

² Никто не думает и над тем, кто заплатит за авторизованный перевод, ибо даже те, кто прилично владеют английским языком, все-таки авторизованный перевод статьи или книги не делают. Почему же дискриминируются люди, не владеющие языком? Они не худшие ученые в сравнении с теми, кто владеет, да и владеющие иностранным языком должны понести затраты на авторизованный перевод.

ной, перманентно изменяющей этот список по сугубо своим критериям — «плавающим» в течение ряда лет, к тому же мотивированной сокращением себе работы (числа советов), а не подъемом качества и пользы — эффективности и свободы научной деятельности, улучшения атмосферы защит и процедурной простоты защиты (последний параметр ухудшается в России год от года).

За экспертизу диссертаций, за рецензирование никто не платит, как и за работу в совете³, система науки сведена до домашнего хобби и выполнения инициативной работы (гранты не решают задачи обеспечения должного объема научных работ, чтобы поддерживать целый пласт исследований и научных коллективов)⁴. И в этих условиях возрастает объем «мотания нервов» для членов совета, руководителей по надуманным критериям. Более того, не просто надуманным, а неэффективным и даже опасным.

Рецензирование в научных журналах всегда существовало, однако оно может быть письменным или устным. Никто нигде не говорит, что устная рецензия невозможна. Даже устная сделка определена Гражданским кодексом. Если я говорю на редколлегии или главному редактору, что данная статья заслуживает опубликования в журнале, разве это не рецензия? Почему член редколлегии должен еще что-то пояснять? Когда я сказал одному из главных редакторов, что обязательно опишу эту ситуацию в статье, он мне ответил: «ни в коем случае, бюрократия министерская тут же воспользуется, чтобы разработать формы и регламенты рецензирования». Я, как видите, не послушался его, потому что считаю, что надо единым фронтом прекратить уничтожение науки России.

Свобода научного и любого иного творчества обеспечены Конституцией и за это надо бороться против зависти, головотяпства, бюрократизма с его подрывной деятельностью. Рецензирование научных статей не может быть и тайным (эта норма заимствована на западе), ибо даже в советское время на редколлегию для обсуждения спорных статей вызывали автора, чтобы он защитил свои положения, а статью могли публиковать в плане дискуссии, все делалось публично. На диссертационном совете все выступления происходят публично (голосование, к сожалению, тайное). Никто в науке не может узурпировать истину, а профессор имеет право, несмотря на «презумпцию виновности», опубликовать свое мнение, свою работу.

Рецензирование также не стоит абсолютизировать, поскольку рецензент может оказаться менее

компетентным, нежели автор статьи, может узнать по стилю или по списку литературы автора, к коему имеет неприятие, либо не соглашаться с его идеей, не имея доказательств, в силу личных предпочтений, либо «административного восторга» по Ф. М. Достоевскому («Бесы»). Все эти явления исключить нельзя, поэтому нужна гибкость в функционировании этой системы, где окончательное слово имеет главный редактор и редколлегия, а рецензирование является открытым и смысловым, не предвзятым, редакционная же политика заявленной и отвечающей закону о средствах массовой информации. Именно этот закон и Конституция являются документами, регламентирующими деятельность научных журналов, издательств и рецензентов, которые не являются цензорами, а проверять должны «научное правдоподобие».

Индекс Хирша должен быть отменен как ориентир в оценке научной деятельности, критерии должны быть иные. Их необходимо создать, ввести законодательно и следовать им длительный период времени. Случаи плагиата должны быть описаны законодательно, а в каждом из них нужно разбираться индивидуально с вызовом соискателя в ВАК и тестированием его, оценивая именно его достижения.

Нужно обеспечить государственный заказ на проведение исследований и работу диссертационных советов, финансировать экспертизу диссертаций, подготовку официальных отзывов, наделив строго определенные организации выявлять плагиат за государственный счет (без сбора средств с соискателей) соответствующими техническими способами, которыми эти организации надо снабдить. Ни руководитель, ни оппоненты, ни члены экспертной группы совета и сам совет не несут ответственности за плагиат (хотя в редких случаях он может быть установлен, если некоторые члены совета точно помнят какой-то раздел или пассаж из чужой работы). Нужно прекратить в стране «свару» и «рецензионно — хиршевски — плагиатный» психоз. Это не реформа науки, образования и РАН, а обычное сумбурно-бюрократическое незаконное их уничтожение. Репрессиями еще никто не выправил упавшие морально-нравственные нормы при «голодном» финансировании ученых, которое способствовало этому падению. Кроме того, под жернова формальных репрессий, когда не разбираются в каждом конкретном случае, обычно попадают наиболее честные и трудолюбивые, те, что остались в науке и отдают ей свою жизнь во всех смыслах этого слова.

³ Формально это вынесено на уровень ректора вуза или директора научной организации, но они, как правило, не имеют денег и перекладывают это финансирование на соискателя, защищающего диссертацию, или в пиковом случае работают бесплатно (это не исключает коррупционные поборы).

⁴ В конце концов, какой-то научный коллектив, получающий устойчиво гранты в течение, например, 7—10 лет, потом перестанет их получать и прекратит свое существование в прежнем виде, а новый коллектив, более лучший, не возникнет. Тем самым гранты разрываю общую ткань науки, создают кусочно-разорванные схемы функционирования науки и получения результатов, сводя науку к функционированию малых и временных групп. На каком-то отрезке эти группы могут быть и успешны и даже очень, но это совсем не означает с управленческой и экономической точки зрения, что такая форма единственно верная и эффективная.

Возможный вариант исправления сложившейся ситуации

Как быть, если «хреодная траектория» преобразований экономической системы уже реализуется? Каковы возможные комбинации?

Во-первых, возникновение такой траектории может не осознаваться теми субъектами управления (высшими звеньями управленческой иерархии), которые ее собственно спроектировали и запустили в жизнь. Это самый опасный путь развития, поскольку, когда неэффективность движения станет очевидной на более поздних этапах, затраты по исправлению ситуации могут оказаться во много раз большими, а причиненный ущерб непреодолимым (некомпенсируемым).

Во-вторых, возникновение такой траектории может осознаваться верхними звеньями управления в начале движения, либо в силу протестов агентов системы, либо в силу резкого сопротивления и снижения эффективности ее функционирования. На этом этапе возможна отмена базисных положений подобного «реформирования», либо возникает иллюзия, что возникшие неэффективности можно «снять» в рабочем порядке. К стати, подобная иллюзия может оказаться и новой возможностью, именно такой исход вселяет надежду в инициаторов реформы и является довольно вероятным исходом событий. Однако именно такой сценарий наиболее опасен для изменяемой по базовым институтам экономической системы, поскольку превращается в первый вариант — движение по «хреодной траектории», но с иллюзией выправления ситуации.

Примерно такой сценарий наблюдается по ЕГЭ, когда ответственные лица страны публично утверждают, что в советское время из-за отсутствия ЕГЭ была коррупция (видимо путают советский период с 1990-ми годами), а выпускники региональных школ не могли поступить в столичные вузы, теперь же ЕГЭ дает такую возможность, причем ЕГЭ скорректирован и лишен коррупции. Однако в советское время коррупция была крайне низкой в вузах, ограничением учебы в столичных вузах была прописка и жилье, а также уровень дохода в нестоличных регионах, но условия приема были равные и любой абитуриент, знавший предмет мог поступить в вуз. Каждый вуз имел свою специфику обучения, ее давали в требованиях к поступающим, что верно с точки зрения подготовки специалиста данной профессии и что не отражает ЕГЭ, и не исключает коррупцию на уровне региона и проверяющих, не гарантирует поступление в престижный вуз, где, например, 15 бюджетных мест, а число претендентов 8—10 человек на место с примерно равными баллами по ЕГЭ. Тогда вуз должен вводить дополнительный отбор, а остальным абитуриентам предлагать уже платные места. Как видим, неверные оценки ситуации высшей властью страны — простое незнание действительности как

советской, так и текущей, приводит к абсолютизации коррекции ЕГЭ вне целевой функции, вне объяснений планирования профессиональной сетки в стране, числа бюджетных мест, платных мест, подготовки кадров по всем образовательным уровням. Узкое мышление приводит именно к такой коррекции траектории, сохраняя ее по существу, но значимо не увеличивая ее эффективность.

То же самое относится и к реформе РАН, когда на год вносится мораторий ее проведения, а само начало реформы планируется согласно принципу: «ввяжемся в бой, а там посмотрим». В итоге уже никто не задумывается, зачем в принципе такое «реформирование», но громадные слои чиновничества и лоббистские группы, включая коррумпированные кланы, обеспечены работой. Однако система не улучшается и не работает. Возникает такая проблема: то ли к ней завышены требования и ожидают большего, чем она в принципе способна дать, тогда явно осуществлена ошибка «реформирования» — постановки и проведения реформ, то ли ошибаемся, считая, что, изменяя ее по такому алгоритму, заставим систему лучше работать и давать хорошие результаты. Вместе с тем, все зависит от оценки, какие результаты ожидаются. Занизил ожидание — довольствуешься малым, тогда действия по «реформированию» вроде бы и оправданы, ведь альтернативы нет и не с чем сравнивать. Подобная порочная логика служит оправданием любых бюрократических экспериментов под вывеской дебиюкратизации российской науки.

Важно отметить, что агенты либеральных взглядов, высказывающиеся за конкуренцию, в последние годы в России привыкли все укрупнять и объединять в образовании. Та же тенденция прослеживается применительно и к науке, когда РАН и РАСХН объединены с РАН, причем автоматически члены-корреспонденты и академики медицинской и сельскохозяйственных наук получили общие звания РАН, которые ранее считались более высоким званием и разделялись даже для представителей этих наук. Тем самым, была обеспечена электоральная поддержка такому слиянию, но вопросы относительно кадрового состава, обеспечения и вообще целесообразности подобного объединения целями некой экономии остаются без ответа. Однако специалистам ответ ясен: действует два принципа «экономической» и «управленческой» эвтаназии, то есть сжатия, сокращения этих подсистем под иной вывеской. Но при этом создается агентство, которое представимо чиновниками, регулирующими исконные функции институтов РАН. Почему же им не войти в Управление делами РАН или Жилищно-коммунальное управление РАН и заниматься хозяйственным обеспечением научных работников, но без пертурбаций документального характера, различных бумаг и согласований, уже возникающих конфликтов, которые растягивают изменения уже на два года, с мораторием еще на год.

Логичных и обоснованных управленческих объяснений всем этим действиям нет, что и подтверждает важность скорейшей отмены базисных документов, полного изменения сути и содержания реформы РАН. Чтобы это осуществить и преодолеть углубленную дисфункцию в ходе предпринимаемых действий 2013—2015 гг. в системе науки России, предложу некий возможный вариант алгоритма, который снижает, при его последовательном воплощении, масштаб и глубину дисфункции науки России.

1. Упразднить ФАНО, обеспечив трудоустройство сотрудников в рамках расширенного Управления делами РАН и хозяйственного и жилищно-коммунального управления (отменить все приказы и нормативные документы по реформе РАН и ФАНО, вернув ситуацию до сентября — октября 2013 г.).

2. Отобрать группу специалистов (разных профессий) от РАН (состав 15—20 человек), не свадельных генералов, а тех, кто способен подготовить комплект документов (полный проект) по системным изменениям в образовании и науки России и в РАН (учесть наработки КРОН). Подчинить эту группу президенту, включая личные встречи подобно тому, как президент встречается с представителями Народного фронта, однако данные встречи не освещать в печати, поскольку они должны носить рабочий характер, связанный с проектированием изменений РАН и образования. Из свадельных генералов в эту группу должен входить только министр, которому потом придется изменять кадровый состав министерства (или в противном случае самому уйти с работы). Работа данной группы должна оплачиваться по государственному статусу и не афишироваться СМИ до тех пор, пока не будут разработаны все этапы реформы, все нормативные документы (проекты). Затем необходимо провести компактную по времени, но широчайшую дискуссию (обсуждение), по итогам которой осуществить коррекцию предлагаемых действий, с одной целью, эти действия должны разделяться большей частью образовательного и научного сообщества России и пониматься обществом в целом. Таким образом, нужна системная работа, которой сейчас нет, а действия не должны ввергать систему в институциональный хаос, что именно сейчас и происходит (см. табл. 6⁵).

После указанных двух пунктов возможные полезные действия в рамках предлагаемого алгоритма относительно РАН могут быть следующими.

3. Провести инвентаризацию научных результатов, патентной базы России и имущества РАН с привлечением Счетной палаты и других уже существующих контролирующих структур, включая Прокуратору в рамках законодательства. Эти виды работ осуществить без отвлечения научных сотрудников РАН от текущей научной работы.

4. Дать оценку финансирования организаций РАН, определив величину потребностей и накопленного дефицита (недофинансирования за 25 лет), дать оценку потерям РАН как организации — кадровый состав, научные школы, фонды (относительно уровня 1991 г.).

5. Оценить и сообщить правительству и президенту требуемую величину финансирования для спасения РАН и эффективного функционирования этой организации и ее институтов, с определением результатов, включая широкие серии производства, вытекающие из прикладных исследований, проводимых на базе фундаментальных работ.

6. Предложить РАН перспективные темы исследований первоочередного и перспективного (отдаленного по времени) уровней, а также имеющих чисто теоретическое и прикладное значение. Разработать план потребности ресурсов на 5—10 и 15 лет, включая решение задачи воспроизводства кадров. Принять закон о государственном секторе, включив в него РАН, приравняв работу в РАН к государственной службе со всеми льготами и пенсиями, которые имеют чиновники государственной службы аппарата управления страны.

7. Отобрать тематику исследований, имеющих первоочередное значение для обороны и технологической независимости страны — текущую и долгосрочную, обеспечить их финансирование. Отобрать темы, обеспечивающие долгосрочное воспроизводство кадров самой РАН, подготовку исследований и молодежи, составляющие научно-техническую безопасность страны на длительную перспективу.

8. Убрать все бюрократические процедуры, снизить объем документооборота и количество чиновников РАН. В СМИ провести кампанию, обеспечивающую мотивацию и высочайший престиж работы в РАН, увеличить заработную плату кандидатам наук до 50—70 тыс. руб., аспирантам РАН до 30 тыс. руб., докторам наук до 100—120 тыс. руб., академикам и членам-корреспондентам платить жалование, а не надбавки за звания в размере 130 и 150 тыс. руб. Ввести систему государственных заданий и государственного заказа (мое предложение 15—20-летней давности) с максимальным отходом от системы грантов. Отказаться от оценки труда научного работника по цитатам, индексу Хирша, числу работ, публикациям в журналах иностранных баз данных. Разработать и ввести свою оплату труда по исходному жалованию плюс надбавки за конкретный вклад. Нужно понять, что к науке нельзя относиться коммерчески. Заработная плата должна обеспечивать престиж и внутренний отбор наиболее способных научных работников, она не должна привязываться к текущему результату или цитатнику. Необходимо оценивать стаж, полученные степени, конкретный крупный вклад — монографию, патент, решение задач обороны, выполнение госзаказа, подготовку кадров и т. д. Такая система оценки должна

⁵ Табл. 6 представлена в первой части статьи в № 7 за 2015 г.

быть создана без копирования западных рецептов. Это принципиальное условие будущей конкурентоспособности науки и страны.

9. Убрать искусственную систему координации, увеличивающую уровень дисфункции управления системой, не способствующей научной деятельности. Промежуточные звенья и дополнительные должности необходимо убрать. Пенсионное законодательство должно действовать на всей территории России применительно ко всем секторам экономики, особенно к государственному сектору и сфере науки и должно касаться должностей в иерархии управления. Не следует управлять организацией в 70 лет, все должны это понимать и достойно осознанно уходить, не придумывая промежуточные звенья. Когда пенсия будет соразмерна пенсии на госслужбе, возникнут подвижки в решении данной задачи. Если ученый известный, то в 70 лет ему уже ни к чему занимать ведущую должность управления, он должен внести пользу своим вкладом и умом, не бояться этого. Какое бы ни было здоровье и способности, но в 70 лет организм уже не тот, как в 50 или 60-летнем возрасте. И это надо понять и принять. Директор может исполнять обязанности два срока, это нужно для ротации в звене управления, оставлять же на третий пятилетний срок можно только за выдающиеся результаты. При этом надо исключить лазейки — два срока подряд или не подряд. Вообще два срока и никаких девиаций.

10. Необходимо провести выборы в РАН в конце 2015 г. по спискам 2013 г., которые были опубликованы, с подтверждением баллотировки поданных участников лично. За два года вряд ли организации откажутся от выдвижения, ведь голосования не состоялось не по их вине и не по вине соискателей. Три года предоставлены РАН фактически на вымирание и этот позор нужно исправить с помощью выборов в текущем году. Придется просить разрешение президента страны, но это нужно сделать, поскольку это дело чести, превзойти то унижение, которое осуществлено над РАН в 2013 г. (списки опубликованы в газете «Поиск» за 2013 г.).

11. Подготовить предложения для Президента страны, включая изменения в экономической и на-

учно-технической политике с приоритетом задачи индустриализации и развития нового технологического базиса. Однако решать такую задачу надо не только на основе новых приоритетов, но и восстанавливая консервативные производства, стереотипные технологии, преодолевая деиндустриализацию, что является этапом реиндустриализации.

Таким образом, решение коренных вопросов функционирования науки России видится в рамках указанного алгоритма действий. Нужна аналитическая группа, подчиненная лично президенту, с хорошей заработной платой, которая разработала бы системный проект с остановкой уже начатых и обоснованием иных по содержанию изменений РАН. Это должен быть единый проект, именно проект, который должен быть представлен и обсуждаться всеми учеными и правительством, а потом при общей поддержке реализовываться в России шаг за шагом без пертурбаций и мораториев по мере продвижения вперед. Только это обеспечит успех изменениям системы науки и образования. Данное положение всецело вытекает из логики и достижений институционального анализа управления, причем основная цель этого анализа и планируемых изменений — преодоление различных видов дисфункций по мере развития системы.

Сегодня в России наблюдаются явное несоответствие инструментов управления стоящим задачам развития изменяемых систем. Потеря целевых ориентиров, сжатие или, наоборот, расширение области приложения управленческих усилий, снижение функционального разнообразия объекта и субъекта управления, информационные нарушения с этим связанные, а также довольно узкий монетарный диапазон функционирования изменяемых систем (науки и образования), низкая устойчивость к вводимым нормам (либо заимствуемым) подчеркивают дисфункцию экономики и управления. В этой части научную перспективу составляет диагностика дисфункции управления, что способно повысить общую системную эффективность. Преодоление (сглаживание) дисфункции требует системных действий, которые обеспечивают изменение сразу нескольких индикаторов развития конкретной системы в позитивном направлении.

Олег Сухарев,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором ИЭ РАН